Приазовский край (Ростов-на-Дону)

1897. 10 мая, № 122.

с. 2.

ом-2 ?

РГГУ

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

„Мужики". Рассказъ А. П. Чехова („Русская Мысль", апрѣль)—„Встрѣчи" Вас. И. Немировича-Данченко („Міръ Божій", [illegible])—„По-другому". Романъ П. Д. Боборыкина („Вѣстникъ Европы", апрѣль).

Когда вы прочтете новый рассказъ А. П. Чехова—«Мужики» (въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли»), васъ непремѣнно охватитъ жуткое, тоскливое чувство, почти граничащее съ отчаяніемъ,—до такой степени мрачна и безнадежна картина крестьянской жизни и крестьянскихъ нравовъ, нарисованная талантливымъ художникомъ. Со свойственной ему художественной силой и съ удивительной простотой онъ развертываетъ передъ вашими глазами эту мрачную картину, на которой вы не найдете ни малѣйшаго просвѣта. Мракъ невѣжества и бѣдность со всѣми ихъ ужасами какой-то тяжелой, непроницаемой тучей безраздѣльно царитъ кругомъ, придавливаетъ и душитъ мысль, [illegible] умъ и сердце, лишаетъ [illegible] образа и подобія Божія. Вмѣсто живыхъ человѣческихъ страстей, вмѣсто [illegible] стремленій и желаній, хотя-бы въ самой примитивной формѣ, г. Чеховъ изображаетъ безраздѣльное [illegible] животныхъ инстинктовъ и, читая эти ужасы, вы невольно спрашиваете себя: «Неужели «мужикъ» такъ ужасенъ, какъ его рисуетъ Чеховъ? Неужели душа его такъ безнадежно опущена и черства?» Отвѣтъ получается [illegible] безотрадный, ибо въ каждой строкѣ рассказа чувствуется реальная, не выдуманная, не сочиненная жизнь, ибо фигуры дѣйствующихъ лицъ облечены въ плоть и кровь и какъ живыя стоятъ предъ глазами.—Да, крестьянскіе нравы и жизнь [illegible] таковы, какими ихъ воспроизводитъ правдивый и талантливый [illegible],—подумаете вы [illegible] «Мужиковъ». Какъ [illegible] и [illegible], [illegible] г. Чехова [illegible] За «мужиками» г. Чехова вы увидите тысячи такихъ-же «мужиковъ», а обстановка, въ которой прозябаютъ дѣйствующія лица рассказа, кажется для васъ обстановкой всего крестьянскаго быта. Такое печальное обобщеніе тѣмъ болѣе неизбѣжно, что нигдѣ [illegible] въ рассказѣ г. Чехова не видится, въ немъ нѣтъ даже [illegible] въ строкахъ самыхъ словъ,—однѣ лишь будничныя, повседневныя, обычныя стороны крестьянской жизни служатъ содержаніемъ «Мужиковъ». И именно эта будничность содержанія сильнѣе всего угнетаетъ читателя. Если-бы передъ нимъ были факты и моменты исключительные, необычайные,—тогда, несмотря на всю непривлекательность ихъ, онъ не испыталъ-бы такихъ мучительныхъ чувствъ при чтеніи рассказа, какъ теперь; тогда онъ что не заставляло-бы его такъ широко обобщать содержаніе мрачной картины: она не заслоняла бы собой другихъ, менѣе безотрадныхъ картинъ крестьянской жизни, не затушевывала-бы фигуръ другихъ «мужиковъ», не въ такой степени духовно потерянныхъ... А теперь, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ «Мужиковъ», вся крестьянская жизнь представляется читателю въ видѣ какого-то [illegible], куда лучъ [illegible] никогда не проникалъ и не можетъ проникнуть. Кругомъ—мракъ, мракъ безпросвѣтный, вѣковѣчный, безнадежный...

Но какъ-бы ни было сильно художественное произведеніе, въ концѣ концовъ интенсивность непосредственнаго впечатлѣнія неизбѣжно должна ослабнуть и уступить мѣсто болѣе спокойной и болѣе правильной оцѣнкѣ его содержанія. «Мужики» не составляютъ съ этой стороны исключенія. Мрачные образы г. Чехова, конечно, еще долго будутъ угнетать читателя, но когда первое впечатлѣніе уляжется, рядомъ съ этими образами въ его воображеніи будутъ толпиться и другіе образы изъ той-же «мужицкой» области. Возвращаясь къ «Мужикамъ», задумываясь надъ ихъ содержаніемъ, читатель невольно разъ невольно будетъ сравнивать этотъ рассказъ съ другими произведеніями изъ народной жизни, и чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе онъ будетъ спрашивать себя: «Да полно, такъ-ли ужъ безнадеженъ нашъ мужикъ, такъ-ли скуденъ его внутренній міръ, какъ изображаетъ Чеховъ?» Конечно, онъ—писатель талантливый, правдивый и наблюдательный, но вѣдь и Тургеневъ, и Толстой, и Гл. Успенскій, и Короленко тоже, что называется, не лыкомъ шиты, и имъ вѣдь никто не откажетъ въ талантливости, правдивости и наблюдательности, да, пожалуй, еще кое въ чемъ такомъ, чѣмъ, пока-что, Чеховъ похвалиться не можетъ,—въ близкомъ и разностороннемъ знакомствѣ съ народной жизнью. А, какъ всѣмъ извѣстно, мужики этихъ писателей далеко не всегда такъ ужасны и такъ безнадежны, какими они выступаютъ въ новомъ разсказѣ г. Чехова. Правда, ни Тургеневъ, ни Толстой, ни Успенскій, ни Короленко не изображали и не изображаютъ кисло-сладкихъ добродѣтельныхъ пейзановъ, проникнутыхъ съ головы до пятъ нравственными [illegible]; правда, мужики, вышедшіе [illegible] изъ художественнаго пера, несутъ въ себѣ много, а подчасъ и очень много непривлекательнаго; но въ многочисленной галлереѣ мужицкихъ фигуръ, воспроизведенныхъ этими писателями, не мало лицъ глубоко симпатичныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, да къ тому-же и непривлекательныя фигуры заключаютъ въ себѣ чаще всего нѣчто такое, благодаря чему онѣ не производятъ столь гнетущаго впечатлѣнія, какъ «Мужики» г. Чехова.

И не одними только этихъ писателей читатель будетъ сравнивать съ авторомъ «Мужиковъ». Цѣлый рядъ другихъ беллетристовъ и беллетристическихъ произведеній изъ народной жизни переберетъ онъ въ памяти для сравненія съ этимъ разсказомъ. Остановится онъ и на текущей литературѣ, въ которой также найдется не мало болѣе или менѣе значительныхъ произведеній, весьма подходящихъ для сопоставленія съ «Мужиками» или даже для противопоставленія этимъ послѣднимъ.

Взять хоть-бы очерки г. Василія Немировича-Данченко—«Встрѣчи» (изъ «Сказокъ дѣйствительности»), помѣщенные въ послѣднихъ книжкахъ «Міра Божія». Современная крестьянская жизнь и крестьянскіе нравы представлены здѣсь безъ малѣйшихъ прикрасъ, даже, можетъ быть, въ слишкомъ мрачномъ видѣ. Посмотрите, напримѣръ, какъ авторъ, попавшій осенью въ деревню, описываетъ ея внѣшній видъ. «Мнѣ казалось, что эти несчастныя избы по сторонамъ дрожмя-дрожатъ отъ осенней стужи. Тучи опять ползли низко, точно хлопьями измазанной ваты задѣвая ихъ кровли. И построены-же были эти дома! Гроба и тѣ лучше сколачиваютъ. Крупнаго лѣса давно не стало. Старыя избы, выведенныя изъ него, давно сгорѣли, новыя изъ какихъ-то жердей поднялись,—именно изъ жердей. До голодныхъ годовъ скотъ былъ и на нему эти жерди снаружи обкладывали навозомъ. Правда, въ оттепель отъ него внутрь, въ самое жилье сочилась зловонная жидкость, да все-же теплѣе было. А теперь снѣгомъ привалиаютъ, а то и такъ терпятъ. «Авось, не помремъ». Жутко было вчуже видѣть эти «дома», какъ звали ихъ въ волостныхъ—вѣдомостяхъ и спискахъ. Они къ тому-же принижались. Прежняя изба строилась, въ ней хоть стоять можно, а въ этой выпрямись—головой о потолокъ ударишься. Мѣсто ничего не стоитъ, а жердь, какъ она ни плоха,—въ цѣнѣ. Вѣтеръ подыметъ—насквозь проникаетъ. Морозы въ декабрѣ, въ [illegible]варѣ—кромѣшный адъ. Жаль Данте не видѣлъ такихъ угловъ, — цѣлая глава «ада» потеряна, и самая ужасная. Окна—кулакъ только и влѣзетъ. Въ холодѣ, сырости, темнотѣ Богъ знаетъ какъ оплачиваются преуспѣвающій и богатѣющій, если вѣрить Пиндарамъ отечественной печати, россіяниною. Къ веснѣ лица ни на комъ нѣтъ. Все это опухшее, [illegible]. Въ чемъ только душа держится?! Зато посреди избенокъ такъ и выпятилась. Весь заново [illegible]

с. 3.

[illegible] краской... Но дальше опять тѣ-же жердяныя постройки...».

Какъ видите, идеализація тутъ меньше всего. Трудно даже представить себѣ болѣе печальную картину крестьянскаго общества. Нищета, голодъ, холодъ со всѣхъ сторонъ обступили мужика, давятъ и душатъ его, порождаютъ безконечныя эпидеміи, безвременно уносятъ въ могилу сотни дѣтей и взрослыхъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ внѣшней обстановкой крестьянскаго существованія находятся и крестьянскіе нравы, какъ ихъ изображаетъ г. Немировичъ-Данченко. Съ одной стороны выступаютъ вампиры вродѣ старшины Ермошки, вѣчно пьянаго и постоянно кричащаго съ азартомъ: «господа вышняя власть, живъ не буду, своимъ зубомъ народъ въ клочья изорву, а получу золотую медаль!...» И съ другой—такіе несчастные, спившіеся съ кругу, растерянные, какъ злосчастный Егоръ, отбившійся отъ работы, безпробудно пьянствующій, хотя у него семеро дѣтей мала-мала меньше и жена, которыхъ онъ денно и нощно нещадно колотитъ. Авторъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ этимъ Егоромъ. Онъ (авторъ) шелъ по деревнѣ куда-то вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ. «Какъ вдругъ прямо на насъ,—рассказываетъ г. Немировичъ-Данченко,—точно выросъ громадный мужичище, всклокоченный, безъ шапки, съ сурово нависшими бровями, босой, весь облѣпленный грязью. Страшный даже.—Егоръ... А ты опять?—укоризненно встрѣтилъ его священникъ.—Живъ Богъ—жива душа моя!... И голосъ у него былъ хриплый, испитой. Точно въ груди у него клокоталъ и никакъ не могъ изъ нея вырваться на волю. Глаза Егора были мутны. Еще и видѣлъ-ли онъ насъ?

— Ты не продетвуй. Стеша твоя опять въ спискахъ.—Егоръ опустилъ голову и помоталъ ею, дѣлая очевидныя усилія понять, что ему говорили.

— Стеша?... Дочка... Ма-а-а-ленькая! Батюшка... Господинъ священникъ... Цѣлый [illegible] баринъ...—обратился онъ уже ко мнѣ, разобравъ меня давненько.—Мнѣ только милости вашей — гривенникъ... Палитъ... Вотъ какъ палитъ...—Егоръ, я тебѣ о дочери, а ты...—Неужели не я не понимаю... Ваше высокоблагородіе... Эстолько. Помирать легче...—И вдругъ онъ грохнулся передъ нами на колѣни въ грязь, такъ и обдалъ насъ ею.

— Горитъ внутрѣ. Господа начальство, вы видите. А и—и поправлюсь. Мнѣ-бы отдышаться.... Гривенникъ.... Я сейчасъ...».

Нѣсколько времени спустя, возвращаясь обратно, они снова наткнулись на того-же Егора. Только теперь пожертвованный гривенникъ привелъ его изъ угрюмаго и мрачнаго настроенія въ веселое и воинственное.

— Я-ста... Да вы меня [illegible], невѣжа?—добивался онъ у кого-то, стоя посреди улицы по колѣна въ грязи (никого кругомъ не было).—Я вамъ, подлецамъ, покажу! Пойміте вы, каковъ Егоръ Мосѣевъ... Во всей вселенной пройти—другого не найдешь. Вы полагаете, отпороли и много довольны? Нѣтъ, погоди, я терплю на васъ до времени. Потомъ расчетъ будетъ. Я вамъ каждый лозанъ вспомню, анафемы...

Кажется, мрачнѣе этой фигуры и представить себѣ нельзя. Даже въ «Мужикахъ» вы среди дѣйствующихъ лицъ не найдете, пожалуй, фигуры болѣе ужасной. И, однако, Егоръ не производитъ такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ персонажи г. Чехова. При этомъ замѣтьте, что и г. Немировичъ-Данченко рисуетъ въ своихъ очеркахъ не исключительныя событія, а повседневныя явленія крестьянскаго быта,—такія явленія, которыя имѣютъ мѣсто на каждомъ шагу, въ любой деревнѣ, во всякомъ деревенскомъ углу. Значитъ, во «Встрѣчахъ» имѣются всѣ данныя, чтобы дѣйствовать на читателя такимъ-же подавляющимъ и угнетающимъ образомъ, какъ и «Мужики» г. Чехова. Почему-же, спрашивается, получается столь разное впечатлѣніе отъ этихъ рассказовъ, изображающихъ одинаково печальныя картины и одинаково печальные образы? [illegible] разница тутъ [illegible] [illegible] степени, [illegible] впечатлѣнія, [illegible] объяснить разницей въ [illegible] обоихъ авторовъ. [illegible] беллетристъ [illegible] [illegible] свой разсказъ [illegible] [illegible] «Встрѣчи» этому «Мужики» и дѣйствуютъ [illegible] чѣмъ очерки г. Немировича-Данченко. Но здѣсь впечатлѣнія разнятся не [illegible] ко количественно или, вѣрнѣе, не [illegible] во количественно, [illegible] только качест[illegible] Самый характеръ переживаемаго [illegible] телемъ настроенія, самый [illegible] чувствъ, мыслей и ощущеній [illegible] ихъ случаяхъ, при чтеніи того [illegible] гого рассказа, далеко не одинъ [illegible] же. Равнымъ образомъ, совершен[illegible] въ такомъ смыслѣ и не въ то[illegible] правленіи, какъ разсказъ [illegible] дѣйствуютъ на читателя даже [illegible] безотрадныя картины изъ дере[illegible] жизни у другихъ писателей—у [illegible]го, Тургенева, Некрасова, Успен[illegible] или у Короленко. Очевидно, что [illegible] дѣло не въ талантливости «Мужи[illegible] —вѣдь перечисленные авторы [illegible] конечно, не менѣе талантливы, [illegible] Чеховъ,—а кое въ чемъ другомъ [illegible] искать приходится искать въ [illegible] [illegible]гіи автора, въ его міровоззрѣніи,—[illegible] томъ именно, какъ онъ смотритъ [illegible] изображаемыя имъ явленія и въ [illegible] по его мнѣнію, заключаются при[illegible] этихъ явленій.

Г. Немировичъ-Данченко, какъ [illegible] видно уже изъ приведенныхъ [illegible] выдержекъ, всѣ бѣды и всѣ [illegible] стороны крестьянскаго быта [illegible] объяснитъ главнымъ образомъ [illegible] ющей бѣдностью крестьянскаго [illegible] нія. До тѣхъ поръ, пока мужику [illegible] ся сносно, пока онъ кое-какъ [illegible] концы съ концами,—ему «ничто [illegible] ческое не чуждо». Но какъ только [illegible] зяйство по тѣмъ или другимъ [illegible] намъ гибнетъ, онъ сразу [illegible] нравственно и теряетъ образъ и [illegible] [illegible] Божье. Тотъ-же безобразный Егоръ, напримѣръ, былъ когда честнымъ работящимъ мужикомъ, ни на минуту не забывавшимъ о своихъ семейныхъ и другихъ обязанностяхъ, до сорока лѣтъ не бравшимъ въ ротъ водки. «Но,—рассказываетъ о немъ мѣстный священникъ,—на его несчастье у насъ волостной старшина умеръ, другого — Ермошку—назначили. Этотъ въ свое время тоже хотѣлъ жениться на Стешиной матери—жинѣ Егора, да та ему предпочла вынѣшняго своего мужа. Ну онъ и началъ, натура низкая, власть показывать надъ подначальнымъ человѣкомъ. На общественныя работы его гоняли не въ очередь, въ страдные дни по пустякамъ въ волость вызывали. Пожаръ случился—волостной на него взвалилъ подозрѣніе, его арестовали, да скоро выпустили. Доказалъ, что въ другомъ мѣстѣ былъ въ это время. Все терпѣлъ мужикъ. Только зубами скрипѣлъ да хмурился. Но и его Господь посѣтилъ. Сначала у него изба сгорѣла, а потомъ на полѣ три года неурожай былъ. Никакъ не вошло... Все, что у него было припасено, проѣлъ съ семьей за это время. На четвертый годъ хлѣбъ удался отличный, да за долги пришлось отдать половину его, а цѣнъ совсѣмъ не было. Волостной тутъ и насѣдъ на Егора. За нимъ оказались недоимки. Свели послѣднюю коровенку... Егоръ не выдержалъ и обругалъ волостного. Вотъ тутъ-то и случилось обстоятельство, измѣнившее всю жизнь Егора. Былъ человѣкомъ до тѣхъ поръ, а сталъ пьяницей, воромъ, всѣмъ, чѣмъ хотите. Волостной вызвалъ его въ судъ, и порѣшили они выдрать Егора»...

Словомъ, исторія очень обыкновенная, и не только въ средѣ крестьянъ, но и въ такъ-называемыхъ культурныхъ классахъ. Тамъ также на каждомъ шагу, вслѣдствіе подобныхъ-же несчастныхъ обстоятельствъ, люди гибнутъ, опускаются нравственно до неузнаваемости. Однако, при всей своей трагичности, исторія гибели Егора не повергаетъ въ отчаяніе ни самого автора, ни (...)

С. Двинин.